

«Дневник» Чак Паланика

Божьи дети в опасности

Кирилл Решетников

Автора «Бойцовского клуба» можно узнать по почерку, складывающемуся из нескольких отчетливых черт, каждая из которых несет характерную печать какого-то мрачного возмущения. Параноидальная достоверность, с которой излагаются всевозможные околонучные и просто энциклопедические сведения, сюжет, построенный на тяжелой, болезненной ситуации

тать фирменным паланиковским мясом. Мисти пытается разобраться в том, что же произошло с ее мужем, а тем временем обитатели квартир, которые он в свое время ремонтировал, начинают в панике сообщать ей, что в их жилищах пропадают предметы мебели и даже целые комнаты. Более того, в изолированных пространствах за стенами Питера, оказывается, оставил массу страннейших посланий, в частности та-

Но главный и неизменный нерв Паланика, как и у любого настоящего писателя, дает о себе знать всегда, даже в запредельной физиологической фантазмагории под названием «Кишки», пока еще официально в России не изданной

и уму непостижимой попытке из нее выйти, отрывистые фразы с повтором ключевых слов, отстраненный жутковатый юмор, будто бы вовсе не предполагающий смеха. В гротескно-перверсивных дебютных «Невидимках», в мистической «Колыбельной» и отчаянном «Уцелевшем» все это скомпоновано и дозировано несколько по-разному. Но главный и неизменный нерв Паланика, как и у любого настоящего писателя, дает о себе знать всегда, даже в запредельной физиологической фантазмагории под названием «Кишки», пока еще официально в России не изданной.

Мир у Паланика выглядит как нечто среднее между анатомическим театром, сумасшедшим домом и очень техничным, но бессмысленным механическим устройством. Критиковать этот мир уже поздно — его можно каталогизировать и пародировать, чем Паланик и занимается. Однако при всем многообразии предметных областей и ракурсов, освоенных им, он до сих пор не обращался к самому заветному уровню рефлексии — теме искусства.

Став лидером американской альтернативы, можно было бы уже дополнить картину романом о писателе: даже странно, что Паланик до сих пор не попробовал себя в жанре литературы о литературе. Новый роман «Дневник» — не о литературе, но наконец-то об искусстве. При том что все вышеперечисленные элементы почерка здесь налицо, новая тема и с особым вдохновением созданная атмосфера безумия придают роману какое-то не совсем знакомое звучание.

Художница Мисти Уилмот сталкивается с жесточайшим жизненным кризисом. Ее муж Питер пребывает в коме после неудавшейся попытки самоубийства, так что ей приходится одной заботиться о дочери и «держат оборону» в отношениях со свекровью. Это, однако, всего лишь реалистический костяк, который с самых первых страниц начинает обрас-

кое: «Они убьют всех детей Божьих, если так нужно будет, чтобы спасти их собственных». Несмотря на свой талант и счастливые годы, прожитые с Питером, Мисти — неудачница, она не написала полотен, которые могла бы. И вот в какой-то момент свекровь запирает ее на чердаке, оставив девушке только холст и краски: Мисти должна создать шедевр. Одновременно ее потчуют всевозможными специфическими препратами. Эта акция странным образом оказывается увязана с идеей спасения острова Уэйтенси, на котором все и происходит, причем не от кого-нибудь, а от туристов. В конце нас ждут не только шедевры от Мисти, но и большое количество жертв и разрушений. Дополнительный стимул к ознакомлению с «новым Палаником» — очередная фишка от мэтра, на этот раз — повествование от второго лица.

Чак Паланик. Дневник / Пер. с англ. Д. Борисова. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2006. — 316 с.